

УДК 111.7:331.108.26

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-473-482

«РУССКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ» И ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ*

Внутских Александр Юрьевич, Комаров Сергей Владимирович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

На основании разработок экономиста А. Прохорова сформулированы эмпирические закономерности, характеризующие особенности «русской модели управления»: закономерность кластерного/кланового характера типичной российской организации, слабо управляемой на низовом уровне и закономерность цикла сменяющих друг друга «застойной» и «мобилизационной» фаз развития. Показано, что эти закономерности, с одной стороны, не способствуют повышению производительности труда на российских предприятиях, однако, с другой стороны, позволяют функционировать экономике в целом как достаточно результативной. Далее этот эмпирический материал подвергается Dasein-анализу путем исследования специфики русского бытия и времени. Выявляются основные структуры русского здесь-бытия: «авось»-бытие и беззаботность. Русское бытие оказывается бытием по ту сторону традиционной для европейского сознания оппозиции существования и не-существования, мышления и безумия, страха и бесстрашия, смерти и бессмертия. Показано, что русское бытие онтологически амбивалентно. Отмечено также различие в понимании природы времени в европейском и русском мышлении, выражающееся в фигурах линии и круга соответственно. Основным модусом мышления для европейца является будущее, что определяет его активную деятельность по изменению действительности, а для русского — прошлое, «застывшее» в настоящем и не дающее осуществиться будущему. С точки зрения феноменологической модели именно это определяет циклический характер времени русского бытия. Проинтерпретирован феномен «русского чуда», соответствующий «мобилизационной фазе» Прохорова как онтологически непоследовательная и потому всегда кратковременная попытка «высвободить» время и выйти за пределы повседневности путем принятия на себя ответственности за собственное бытие. Анализируются возможности трансформации традиционной «русской модели управления» для повышения ее производительности.

Ключевые слова: Россия, управление, производительность труда, факторы, феноменология, бытие, время, история, «русское чудо».

RUSSIAN MANAGEMENT MODEL AND THE PROBLEM OF LABOR PRODUCTIVITY: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Alexander Yu. Vnitskikh, Sergey V. Komarov

Perm State University

Basing on the theory of economist A. Prokhorov, the authors formulate empirical regularities that characterize the features of the «Russian management model»: the cluster/clan character of a typical Russian organization, poorly managed at the grass-roots level, and the cyclic pattern of the alternating «stagnant» and «mobilization» phases of development. These regularities appear to impede the increase in labor productivity at Russian enterprises. On the other hand, they allow the economy as a whole to function in a

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-413-590009 «Комплексное исследование психологических и социокультурных факторов производительности труда на предприятиях Пермского края.

fairly effective way. The empirical material was studied by means of Dasein-analysis: specific features of Russian being and time were analyzed. The basic structures of Russian being, namely «maybe»-being and carelessness were revealed. The authors suggest that Russian being is being on the other side of the oppositions of existence and non-existence, thinking and madness, fear and fearlessness, death and immortality, traditional for the European consciousness. Russian being is ontologically ambivalent. European and Russian thinking also differ in understanding of the nature of time, expressed in the figures of a line and a circle, accordingly. For a European, the main mode of thinking is the future, which determines Europeans' active efforts to change reality. For a Russian, the main mode of thinking is the past, «stuck» in the present and not allowing future to be realized. From the point of view of the phenomenological model, these features determine the cyclical nature of time of Russian being. The phenomenon of the «Russian miracle» corresponds to the Prokhorov's «mobilization phase», which is an ontologically inconsistent and therefore always short-term attempt to «free up» time and go beyond the limits of everyday life by assuming responsibility for one's own being. The authors analyze the possibilities of transforming of the traditional «Russian management model» to increase its productivity.

Keywords: Russia, management, labor productivity, factors, phenomenology, being, time, history, «Russian miracle».

Постановка проблемы

Известный российский экономист А.П. Прохоров в своей работе «Русская модель управления» [Прохоров А.П., 2002] выделяет некоторые эмпирические закономерности, действие которых «автоматически» приводит к неукладу внедрения на большинстве российских предприятий отлично зарекомендовавших себя за рубежом управленческих методик, направленных на повышение производительности труда. Речь идет о «хронической» для России проблеме низкой эффективности экономических систем и низкой производительности труда [Внутских А.Ю. и др., 2015; Пищальников Д.В. и др., 2018, с. 563–564]. А.П. Прохоров видит основания этой проблемы в следующих особенностях, свойственных «русской модели управления»:

1. Типичная организация в России — это *организация кластерного типа*, структура которой может быть визуализирована в виде «виноградной грозди», в которой жесткая «вертикаль власти» простирается только до уровня отдела, бригады, цеха, внутри которых царят круговая порука, клановость и «полнейшая автономия» [Прохоров А.П., 2002, с. 68]. По мнению некоторых экспертов, «в отличие от западной team, у нас работа в группе плохо структурирована, плохо расписаны обязанности и функции... В России в группу бросили задание, а они там начинают между собой разбираться» [цит. по: Прохоров А.П., 2002, с. 102].

2. Взаимодействие руководства и кластеров реализуется как «маятниковое движение», цикл периодически сменяющих друг друга двух фаз:

«застойной» (в условиях стабильности цели кластеров не соответствуют цели всей системы управления, кластеры имитируют деятельность, уходя от заданий и ответственности, возлагаемых на них руководством, а высшее руководство попустительствует этому) и «аварийно-мобилизационной» (в условиях внешней угрозы все ресурсы мобилизуются на одном направлении, и высшее руководство развязывает «конкуренцию администраторов», понуждая их к скорейшему решению проблемы репрессиями, — возглавляемые же этими администраторами кластеры получают полную свободу действий для получения необходимого результата «любой ценой» — их цели начинают соответствовать целям всей системы управления) [Прохоров А.П., 2002, с. 84–106].

3. Аварийно-мобилизационная фаза всегда кратковременна, поскольку оказывается весьма затратной в отношении ресурсов; кроме того, кластеры быстро находят возможности эффективно обходить требования «сверху». Эта фаза заканчивается — и вновь начинается фаза «застоя» [Прохоров А.П., 2002, с. 134–159, 198–217].

Отсюда — все особенности организационного поведения российских руководителей и исполнителей: низкий уровень исполнительской дисциплины, ограниченность конкуренции, смена длительных периодов застойного бездействия и кратковременного аварийного перенапряжения («штормовщина»), привычка делать все в последний момент — и в целом облик экономики как «экономики результата», но не «экономики эффективности».

Каковы же фундаментальные причины проявления этих эмпирических закономерностей и «системных эффектов»? Думается, что рассматривая проблемы управления российским производством важно понимать не только собственно управленческий, экономический, политический контекст этой проблемы. Представляется, что особое значение здесь может иметь глубинно-психологический и философский анализ проблемы. Речь идет о ценностных установках и психологических формациях, определяющих повседневную эмпирическую практику управления и производства. Обычно в этом случае вспоминают о пресловутом русском менталитете, чертах национального сознания, иногда вспоминают о религиозных установках [см. напр.: Ануфриева Е.В., Полежаев Д.В., 2010; Синякина Е.Г., 2017].

Тот же А.П. Прохоров в качестве непосредственной объясняющей категории использует именно «менталитет». Однако встает вопрос: чем определяется сам этот менталитет, его установки и ценности? Прохоров говорит о следующих типичных для России «наиболее заметных “материализуемых” факторах» его формирования: «крепостное право, община... отсутствие индивидуальной крестьянской собственности на землю» [Прохоров А.П., 2002, с. 27]; упоминается им и географический фактор: ни в одной другой стране мира не пашут столь далеко на севере, а это в условиях крестьянского уклада было сопряжено с продолжительным бездействием в зимний период и авральной работой в течение короткого весенне-летне-осеннего периода [Александр Прохоров..., 2018].

Все это правда. Однако, как известно, Россия перестала быть преимущественно крестьянской страной еще в советский период, и уже почти 30 лет развивается по капиталистическому пути — а проблемы низкой производительности и неэффективного управления остаются актуальными на протяжении всего этого времени. Чтобы не попадать здесь в «круг в доказательстве», когда «русский менталитет» объясняется из русской истории, географии и политики, а русская политика, география и история оказываются воплощением «русского менталитета», можно предположить, что за всеми этими феноменами национального исторического сознания могут крыться некоторые фундаментальные особенности русского существования — русского бытия

и русского времени. Эти особенности определяют экзистенциальные, смысложизненные установки, определяющие практику повседневного существования русского человека. Поэтому нам представляется, что для понимания особенностей русского менталитета, в том числе — имеющих прямое отношение к труду, производительности, эффективности, управлению — продуктивным может оказаться феноменологический анализ самого бытия.

Экзистенциальный анализ русского бытия

Говоря о русском и западном бытии, мы имеем в виду экзистенциальную структуру существования, а говоря о русском или западном человеке мы имеем в виду «идеальные типы», чье существование определяется такой структурой бытия, а не конкретных людей или конкретные народы. Речь идет о том, чтобы понять, каким образом бытие «открывается» западному и русскому мышлению.

Как известно, для М. Хайдеггера фундаментальной характеристикой присутствия сущего *Dasein* является его конечность. Эта конечность выявляется из самого отношения конечного сущего к своему бытию, а именно из их не тождественности: сущее *Dasein* стремится к своему бытию, оно просто желает быть. Само *Da* («вот») рассматривается Хайдеггером как *наличное* «здесь», смысловым горизонтом которого является само бытие. Это его стремление к бытию (отношение *Da* к *Sein*) и выступает как экзистенция, или «присутствие-размерная» характеристика самого сущего *Dasein*.

Однако — и в этом все дело — такое истолкование *Dasein* осуществляется Хайдеггером не иначе как понимание существования «западного» (европейского) субъекта [Heidegger M., 2003, s. 308–319]. Дело в том, что феноменологически *Sein* и *da* не даны нам по отдельности, а потому бытие раскрывает себя различно, в зависимости от того, с каким собственно *da* («местом») оно имеет дело. Поэтому само экзистирование (существование) конечного сущего может по-разному раскрываться в зависимости от само модуса отношения *da* к своему *Sein*. Иначе говоря, *сущее Dasein может экзистировать к своему бытию различным образом*, а, следовательно, и само бытие как феномен способно открываться в разных смысловых горизонтах. Это значит, что существование русского *Dasein* (в отличие от западного) может быть иным, поскольку

иним будет отношение к самому бытию. Каким же? Нам представляется, что *русское da есть не конечное здесь-бытие западного типа, а безграничное и безмерное чистое присутствие*, поскольку само бытие (Sein) оказывается безграничным и беспредельным существованием. Это фундаментальное отличие будет определять все остальные онтологические, экзистенциальные, «ментальные» особенности русского существования, которые находят свое отражение в мышлении, дискурсе и повседневных практиках русского человека (в том числе — в практике управления, в методах повышения производительности труда¹).

Если для западного субъекта его бытие изначально конечно, то для русского оно есть безграничное здесь-бытие. Русское da («вот») открывается непосредственно в опыте восприятия и языке не только «здесь», в непосредственной наличности (конечное da), но и «там». Оно близко, всегда здесь, присутствует в *бытие*; но и «там» такой же быт, пребывание обыденности. Поэтому русское бытие не находится, фигурально выражаясь, «на расстоянии», а отношения между da и Sein не может быть как такового. В отличие от европейца, русский обнаруживает себя погруженным в мир.

Но такое бытие не может быть *помыслено*: оно должно быть «мерным», «граничным», чтобы быть схвачено мыслью. Это просто стихия безбрежного существования, которой лишь в малой степени коснулся логос мышления. Западное da изначально основано на тождестве мышления и бытия [Комаров С.В., 2007, с. 606–608]. Но для русского бытие безгранично, следовательно, для русского быть — значит быть вне мышления. Русское бытие не упорядочено мышлением — в том числе и мышлением управленческим; *русский не делает свою жизнь мыслительной задачей*.

Если у такого бытия нет границы, то, следовательно, нет и отношения с Ничто, с которым западное Dasein в своем стремлении быть неразрывно связан. Получается, что бытие для русских не начинается с рождением индивида, и не заканчивается с ним: оно есть воссоединение ча-

сти с целым. Русское Dasein изначально открывается как «не мое», а такое же, как у других, у которого границ нет, и которое одно на всех. Определяющим для русского существования является *народ*. Эта не расчлененность, не отделенность от других, доминирование родового, общинного, соборного, коллективного и особое понимание личности (не как индивидуального лица, но как общего лика), определяет все существование русских в истории.

Еще одна особенность русского бытия состоит в том, что, в отличие от западного, оно раскрывается как не требующее «отваги быть»: русский уже в бытии, а следовательно, все, что необходимо для бытия, у него уже имеется. Именно несовпадение, нехватка бытия в наличном здесь-бытии, стремление осуществиться, и лежит в основе волевого усилия быть западного человека. Это волевое усилие раскрывается не просто как витальный порыв, каким оно стало у Ницше; изначально оно выступало как задача отождествления здесь-бытия и бытия, следовательно, как тождество мышления и бытия, как бы конкретно оно не понималось. Для западного человека тождество мышления и наличного бытия, или тождество мышления и Бытия с большой буквы выступали как разные фазы осуществления конечного Dasein. Но для русского человека мышление никогда не тождественно бытию, причем — ни в каком смысле слова. Скорее, это стремление охватить мыслью неохватываемое и беспредельное выступает как гордыня конечного существования. Но именно поэтому такое отношение не мотивирует волю: направленность к бытию не является волевым усилием. Задача жизненного существования для русского человека не есть мыслительное и рациональное предприятие; она есть результат не волевого усилия, но постоянного жизненного совпадения с наличным бытием. Хорошо прожить — это значит получать удовольствие от самого факта жизни в каждый ее момент. В этом ключе и нравственное существование для русского человека не представляет собой интеллектуальной задачи, а является задачей практической нравственности, определенной традицией. Заметим дополнительно, что этим определяется и непонятное для западного человека «равнодушное» отношение русских к смерти и их особенная жертвенность. С одной стороны, смерть не вызывает страха, поскольку само бытие безгранично, с другой стороны, смерть не требует

¹ Русская онтология управления еще не написана, хотя первое осмысление западной онтологии управления уже имеется [Васильев Г.Е., 2008]. Мы рассматриваем эту статью в качестве одной из первых в этом перспективном направлении философских исследований.

специального к себе отношения и не вызывает какого-то сожаления, поскольку она рассматривается как необходимое дополнение самой жизни (пресловутое «Ничто» в представлениях русских как бы интегрировано в само бытие, является его стороной). Оценка смысла прожитой жизни определяется по отношению к другим, но не к себе: жизнь осмысленна, если человек жил не для себя, но для других.

Поэтому место решимости (воли к бытию) в русском здесь-бытии занимает ожидание (надежда), а место возможности — *упование на удачу, не вполне подготовленную рационально организованными усилиями*. Проанализируем в связи с этим старое русское слово «авось», которое, по мнению ряда экспертов, является маркером весьма характерных для нашего типичного соотечественника «короткой памяти», разрывов в восприятии истории, отсутствия рационального планирования (особенно долгосрочного), место которого занимает наивная надежда на то, что в будущем все как-то само собой образуется [Никитин А., 2015]. В.И. Даль трактует «авось» как «может быть станется, сбудется с выражением желания или надежды»; «а» по Далю есть «выражение противоположности», а «во» — есть указатель места/времени [Даль В.И., 1978, с. 3, 217]. Иначе говоря, русское «авось» — это экзистенциал решимости русского Dasein, который открывает возможность как простое доверие к бытию. Мы существуем на «авось», выражая согласие со всем, что может с нами случиться, при малой надежде на желательный исход.

Что же эти особенности означают для западной и русской *концепций труда*? Европейский человек в своем присутствии обращен к нарастающему дефициту бытия, к его убыванию, к собственному концу. Отсюда экзистенциалы Ужаса (die Angst), Смерти (der Tod) и Совести (das Gewissen), конституирующие Заботу в изначально заданной конечности существования. «Именно *озабоченность своим бытием является онтологическим истоком труда* (выделено нами. — А.В., С.К.) как фундаментальной характеристики западного тут-бытия» [Комаров С.В., 2014, с. 54].

Напротив, в устройстве «беззаботного» русского Dasein мы не обнаруживаем соответствующих экзистенциалов. Бытие уже есть, русский человек изначально в нем — поэтому дефицит его русского не заботит. Ничто, небытие изна-

чально находится внутри русского бытия — а феноменологически это переживается как «ничтожение» ужаса в русском человеке. Поэтому, наши соотечественники «страх потеряли» [Никитин А., 2015]; точнее, никогда его и не имели, поскольку, как уже говорилось, «ничто» интегрировано в само их бытие.

Русское бытие беззаботно. Но отсутствие озабоченности порождает безволие и бездеятельность при одновременном бесстрашии и безразличии к собственной личности, «неинтеллектуальный» характер нравственного сознания русского человека. *Все эти особенности негативно сказываются на применимости западных практик повышения эффективности управления и производительности труда на русской почве.*

Разумеется, русские могут быть в повседневности не менее экономичными и практичными, нежели европейцы, — успех отдельных российских предприятий, достигнутый на пути повышения производительности, это доказывает [Пищальников Д.В. и др., 2018]. Однако и в этом случае сохраняется *отсутствие* отношения повседневных дел (наличного здесь-бытия) и жизни в целом (бытия как такового). В отличие от европейского человека, у русского они друг к другу *не относятся*, русское здесь-бытие не имеет границы и к своему бытию не экзистировует.

Хорошим примером здесь может служить амбивалентное отношение русского человека к собственному здоровью, которое — в отличие от человека западного — даже не рассматривается как зона своей личной повседневной ответственности. Вот как, например, об отсутствии этой ответственности пишет очевидец: «отец регулярно пил две недели с утра до вечера, доводил себя буквально до прозрачного состояния, а потом внезапно прекращал, и с понедельника, с раннего утра, выходил во двор и начинал бегать, приседать и обтираться снегом. Это продолжалось тоже две недели, а потом цикл начинался заново» [Карпов М., 2019]. Нечто подобное происходит и в повседневной производственной жизни: свое профессиональное каждодневное дело не рассматривается как дело Жизни. Это отношение (точнее — «не-отношение») производства и повседневной жизни за пределами проходной успешных российских предприятий должно стать предметом специального исследования.

В этом не-отношении русского здесь-бытия к бытию коренятся и особенности его временных структур. Отсутствие отношения между повседневной жизнью и жизнью в целом выражается не просто в беззаботности повседневного существования, но связана именно с отсутствием конца времени. И это тоже особым образом определяет деятельность человека, его отношение к своему труду, эффективность или неэффективность производства жизни и простого производства (в экономическом смысле).

Экзистенциальный анализ времени существования

«Западное» отношение ко времени связано с последовательностью, связано с переходом — в своей основе оно линейно, причем настоящее есть граница, отделяющая прошлое от будущего, которые выступают как потенциальные; только момент «теперь» и есть в строгом смысле слова. В моменте «теперь» для западного присутствия собрано *все* бытие. Но, как мы отмечали, здесь-бытие всегда конечно, а конечность «теперь» означает для западного сознания катастрофу — фундаментальную, неразрешимую временность. Дефицит бытия гонит Dasein к тому, чтобы быть; так формируется доминирующий у западного человека модус *устремленности к будущему*: прошлое уже прошло, а настоящее есть предтеча будущего. Фигурами такого времени являются линия и счет. Этот бег в будущее сопровождается сокращением присутствия в настоящем, т.е. фактическим не-существованием западного человека [Люббе Г., 2016].

В противоположность этому западному «времени-бегу в будущее», русское время — это «время-колесо», в котором прошлое, настоящее и будущее не сменяют друг друга, а соприсутствуют, существуя только по отношению друг к другу, и «перетекая» друг в друга. Показательна этимология русского слова «время». Оно происходит от церковно-славянского «веремя» [Полный церковно-славянский словарь..., 2015], восходящего к праиндоевропейскому корню «wer» — «поворачивать» [Online Etymology Dictionary...]. Русское Dasein безгранично, и русское время не способно уйти — оно постоянно возвращается. Соответственно, момент «теперь» как выделенный, очищенный от прошлого и будущего не существует: он есть одновременно при-бывание и у-бывание. Фигурой такого

времени является круг: всякое новое есть приходящее на смену старому, «его иное», а не вообще другое. Поэтому время для русского *не уходит* — оно подобно бытию просто *есть*, причем есть не в количественном, а в качественном смысле, т.к. его при-бывание и у-бывание есть изменение степени выраженности *того же самого* [Комаров С.В., 2016, с. 37].

Но это означает *доминирование модуса прошлого*: будущее воспринимается как «переделка» того же самого, уже существующего. Русское время «стоит», поскольку каждый его момент столь же полон бытия, как был им полон каждый предыдущий момент и будет полон следующий. Соответственно, для «русского кейса» характерно «не законченное, не свершившееся до конца, застрявшее в настоящем прошлое» [Комаров С.В., 2015, с. 9]. Причем прошлое совершенно реально присутствующее в настоящем: оно может болеть, с ним (с его «пережитками») можно бороться, затрачивая на эту борьбу немалые ресурсы. Аналогичным образом и будущее во времени русского бытия есть «будущее навсегда» — оно содержит и то, что никогда не сможет наступить и осуществиться, поскольку его место занято прошлым.

Но действительное осуществление истории возможно только в том случае, если момент настоящего есть со-бытие и превращение всех трех моментов времени: с одной стороны, прошедшее должно обретать действительный смысл прошлого за счет превращения в прошлое настоящего; с другой стороны, будущее должно обретать действительный смысл будущего за счет его становления настоящим. Если такого превращения не случается — становится невозможным отношение к своему бытию, осознание его смысла и смысла истории, происходит выпадение из истории, замыкание в горизонте повседневности. Это и наблюдается в русской истории, которая разворачивается как постоянное «доделывание недоделанного», как отрицание того, что было. Сама история начинается для народа каждый раз заново. Это тотальное отрицание своего прошлого, его не осмысление оказывается в действительности его повторением. Каждое поколение как будто начинает историю с «чистого листа», но в действительности живет повторением прошлого, которое никак не может завершиться.

Однако, если все это так, то возникает серьезный вопрос. Как понимать с этих позиций

наличие «аварийно-мобилизационных» фаз русской истории, которые, тем не менее, нередко завершаются уникальными, значимыми для всего мира результатами? Как понимать парадокс русского управления, который заключается в том, что неэффективное в каждом конкретном моменте управление оказывается продуктивным в конечном итоге [Прохоров А.П., 2002, с. 11]? Почему не эффективное в каждом конкретном случае управление оказывается чрезвычайно продуктивным в «большом времени» истории (по крайней мере — иногда)? Совершенно очевидно, что при некоторых условиях русские осуществляют «прорыв в историю». Но почему эти «прорывы»/«высвобождения» каждый раз оказывались кратковременными и никогда (по крайней мере, до сих пор) не меняли общей картины русского времени как «вечного повторения»?

Возможно, все дело как раз в специфике русской экзистенции к собственному бытию, заключающейся в амбивалентном отношении к своей конечности. С одной стороны, с точки зрения феноменологического анализа ответственный личностный поступок, изменяющий действительность и «завязывающий» историю, всегда выступает следствием осознания субъектом своей *конечности* благодаря «зову Бытия»: это осознание мотивирует волю, а воля определяет поступок. Такой поступок всегда представляет собой объективацию моего «Я», «автоматически» связанную с осознанием собственной конечности.

Однако, русское восприятие этого «зова» есть как раз *отрицание своей конечности* в желании слиться с безграничным бытием, отрицание собственной воли и собственного «Я». А это плохо совместимо с ответственной активностью, направленной на переустройство реальности. В том числе — и на решение «хронических» российских проблем, например, проблемы низкой производительности труда, о которой писал еще Л.Н. Толстой в «Анне Карениной»: «...рабочие и земля... в большинстве случаев, производят мало... это противодействие не случайное, а постоянное, имеющее основание в духе народа». И именно в силу этого фундаментального отрицания рано или поздно доверие к безграничному бытию оказывается для русского человека сильнее, нежели принятие на себя ответственности за собственное бытие. Экзистенция «обрушивается» в повседневность существования. Так

происходит очередное выпадение из истории. Русским очень сложно систематически доводить поступки до их полной реализации, подлинной историчности и событийности. С позиций феноменологической исследовательской программы указанная амбивалентность русского бытия и «запускает» круги русской истории, являясь феноменологическим эквивалентом рассмотренных А.П. Прохоровым закономерностей «русской модели управления».

Заключение

Проведенный анализ выявил некоторые фундаментальные онтологические различия русского и западного существования, которые, возможно, определяют особенности менталитета. При этом — и это необходимо специально подчеркнуть — наш анализ не является оценочным. Выявленные особенности русского Dasein или русской истории не являются ни «хорошими», ни «плохими»; точно так же, как особенности западного Dasein не обладают никаким преимуществом. Речь идет о структуре онтологии. Однако возникает вопрос: если таково русское бытие, как мы должны к этому относиться *практически*? Речь ведь идет об управлении и развитии огромной страны. Может ли быть извлечено из такой структуры существования ядро, которое обеспечит устойчивое развитие, в том числе в области производства, повышения производительности труда и эффективности экономики? Эти вопросы пока остаются без ответов.

Однако предпосылкой для этих ответов может стать понимание структуры русского бытия. Обобщая сказанное выше об этой структуре, мы можем прийти к следующим предварительным выводам. Поскольку русское бытие не осмысленно — недостаточно осмысляются и повседневные производственные практики, а бездумное отношение к производственному процессу не способствует повышению производительности труда путем его рационализации. Не осмысленно и прошлое времени русского бытия, а следствие этого — способность начинать с «чистого листа» — обеспечивает как готовность к технологическим прорывам, умение добиваться результата нетривиальным способом, так и то, что новое оказывается в каком-то смысле повторением прошлого, что препятствует успешному внедрению новаций на отечественной почве. Доминирование родового в русском бытии и его «беззаботность» приводят к тому, что индивиду-

альная ответственность за свое дело и забота о росте эффективности производства остаются, скорее, исключением.

Возможно, определенные надежды следует возлагать на молодое поколение, проживающее в крупных городах. Это более озабоченное своей жизнью и своей судьбой поколение, причем их отношение к миру не определяется только индивидуальными интересами. Это новое поколение в большей степени демонстрирует ответственное поведение и, похоже, меньше готово к переделке истории «с чистого листа» [Александр Прохоров..., 2018]. В частности, предварительные результаты комплексного исследования проблемы производительности труда на промышленных предприятиях российских регионов демонстрируют, что среди предприятий, эффективно решающих проблему производительности, выделяется группа предприятий, возникших относительно недавно. Это предприятия, уходящие от кланового («кластерного») типа организационной культуры, со сравнительно молодыми коллективами управленцев, представители которых демонстрируют большую самостоятельность, более высокую способность к саморегуляции, высокий уровень гибкости в поведении и коммуникациях. На таких предприятиях управление добирается «до рук» каждого исполнителя [Vnutsikh A. et al., 2019].

Конечно, необходимо помнить, что отчуждение наемного работника и собственника или топ-менеджера имеет экономические основы, а рационализация деятельности может производить не только эффективность, но и раздор: попытки подчинить работу и управление бюрократическому контролю подрывают сотрудничество рабочих между собой, сотрудничество рабочих и администрации, парадоксальным образом снижая производительность, причем не только на российских предприятиях [Кузнецов А.Е., 2018]. Однако в любом случае разрешение этих проблем должно опираться на понимание оснований национальной психологии, которая имеет, в том числе, и рассмотренное нами онтологическое измерение.

Список литературы

Александр Прохоров о русском менеджменте. От застоя к росту / YouTube. 2018. 17 мая. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7H2bU-o69kw> (дата обращения: 01.10.2019).

Ануфриева Е.В., Полежаев Д.В. Менталитет и национальное сознание: личностное измерение // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 6(55). С. 23–26.

Васильев Г.Е. Философия Базилева. М.: Прогресс–Традиция, 2008. 376 с.

Внутских А.Ю., Сокрута Л.В., Пищальников Д.В. Повышение производительности труда как междисциплинарная проблема: историческая ретроспектива // Вестник Пермского университета. Философия. Социология. Психология. 2015. Вып. 4(24). С. 132–142. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-4-132-142

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. 699 с.

Карнов М. Две недели — ЗОЖ, две недели — запой // Лента.Ру. 2019. 30 ноя. URL: https://lenta.ru/articles/2019/11/30/zog_ussr/ (дата обращения 30.11.2019).

Комаров С.В. Время русского бытия (часть I) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2015. № 4. С. 30–39.

Комаров С.В. Время русского бытия (часть II) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 1. С. 5–16.

Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности. Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. 731 с.

Комаров С.В. «Патология» русского бытия, или русская глупость. Маленькое эссе о глупости (2) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 2(18). С. 49–59.

Кузнецов А.Е. Производя раздор: Браверман, Буравой и Кларк // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. Вып. 1(2). С. 379–391.

Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2016. 456 с.

Никитин А. Авось-анализ. Как короткая память мешает гражданам богатеть. // Коммерсант. 2015. № 45 от 16 ноя. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2850128> (дата обращения: 01.10.2019).

Пищальников Д.В., Ныrkova Ю.Л., Руднова Н.А и др. Комплексный подход в изучении производительности труда: актуальное состояние и перспективы исследования // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Со-

циология. 2018. Вып. 4. С. 562–572. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-562-572

Полный церковно-славянский словарь. 2012–2015. URL: <http://www.orthodic.org/word/3539> (дата обращения: 01.10.2019).

Прохоров А.П. Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал “Эксперт”», 2002. 376 с.

Синякина Е.Г. Религиозность и народное благочестие русского крестьянства дореволюционного периода как основа его духовно-нравственного развития // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2017. Т. 1, № 2. С. 18–47.

Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 65. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2003. 521 s.

Vnutskikh A., Pishchalnikov D., Tolochev V. Professional Destructions of Employees at Enterprises Against the Background of the Problem of Labour Productivity Growth // Proceedings of the II International Scientific-Practical Conference «Psychology of Extreme Professions» (ISPCPEP 2019). Arkhangel'sk: Atlantis Press, 2019. Vol. 321. P. 222–226. DOI: <https://doi.org/10.2991/ispcpep-19.2019.54>

Wer- / Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/*wer-?ref=etymonline_crossreference (дата обращения: 01.10.2019).

Получено 01.11.2019

References

Aleksandr Prokhorov o russkom menedzhmente (2018). May 17. [Alexandr Prokhorov about Russian management]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7H2bU-o69kw> (accessed 01.10.2019).

Anufrieva, E.V. and Polezhaev, D.V. (2010). *Mentalitet i natsional'noye soznaniye: lichnostnoye izmereniye* [Mentality and national consciousness: the personal dimension]. *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* [The Humanities and Social-Economic Sciences]. No. 6(55), pp. 23–26.

Dal', V.I. (1978). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the live Great Russian language]. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., vol. 1, 699 p.

Heidegger, M. (2003). *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)* [Contributions to philosophy (from Enowning)]. *Heidegger M. Gesamtausgabe* [Heidegger M. Complete edition]. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Publ., vol. 65, 521 p.

Karpov, M. (2019). *Dve nedeli — ZOZh, dve nedeli — zapoy* [Two weeks — Health Promotion, two weeks — Zapoy]. *Lenta.Ru*. Nov. 30. Available

at: https://lenta.ru/articles/2019/11/30/zog_ussr/ (accessed 30.11.2019).

Komarov, S.V. (2007). *Metafizika i fenomenologiya sub'ektivnosti. Istoricheskie prolegomeny k fundamental'noy ontologii soznaniya* [Metaphysics and phenomenology of subjectivity: historical prolegomena to fundamental ontology of consciousness]. Saint-Petersburg: Aleteyya Publ., 731 p.

Komarov, S.V. (2014). «*Patologiya» russkogo bytiya, ili russkaya glupost'*. *Malen'koye esse o gluposti* (2) [Casus of a fool. Small essay on stupidity (2)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Iss. 2(18), pp. 49–59.

Komarov, S.V. (2015). *Vremya russkogo bytiya (chast' I)* [The time of Russian being (part one)]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*. [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law]. Iss. 4, pp. 30–39.

Komarov, S.V. (2016). *Vremya russkogo bytiya (chast' II)* [The time of Russian being (part two)]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*. [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law]. Iss. 1, pp. 5–16.

Kuznetsov, A.E. (2018). *Proizvodya razdor: Braverman, Buravoy i Klark* [Manufacturing dissent: Braverman, Burawoy and Clarke]. *Sotsial'nye i gumanitarnyye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice]. Iss. 1(2), pp. 379–391.

Lübbe, G. (2016). *V nogu so vremenem. Sokrashchennoye prebyvaniye v nastoyashchem* [In the course of time: shortened stay in the present]. Moscow: NRU HSE Publ., 456 p.

Nikitin, A. (2015). *Avos'-analiz. Kak korotkaya pamyat' meshaet grazhdanam bogatet'* [«Perhaps-based analysis». How a short memory prevents citizens from getting rich]. *Kommersant* [Kommersant]. Iss. 45, Nov. 16. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2850128> (accessed 01.10.2019).

Wer-. *Online Etymology Dictionary (2001–2019)*. Available at: https://www.etymonline.com/word/*wer-?ref=etymonline_crossreference (accessed 01.10.2019).

Pishchalnikov, D.V., Nyrkova, Yu.L., Rudnova, N.A. et al. (2018). *Kompleksnyy podkhod v izuchenii proizvoditel'nosti truda: aktual'noe sostoyaniye i perspektivy issledovaniya* [An integrated approach to examine of labour productivity: actual state and perspectives of research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy.

Psychology. Sociology». Iss. 4, pp. 562–572. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-562-572

Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar' (2012–2015) [A full church-Slavonic language's dictionary. Available at: <http://www.orthodic.org/word/3539> (accessed 01.10.2019).

Prokhorov, A.P. (2002). *Russkaya model' upravleniya* [The Russian model of management]. Moscow: ZAO «Zhurnal “Ekspert”» Publ., 376 p.

Sinyakina, E.G. (2017). *Religioznost' i narodnoye bla-gochestiye russkogo krest'yanstva dorevolutsionnogo perioda kak osnova yego dukhovno-nravstvennogo razvitiya* [Religiosity and popular piety the Russian of pre-revolutionary period as the basis of its spiritual and moral developent]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Chelovek i mir* [Institute of Psychology of RAS. Human and the world]. Vol. 1, no. 2, pp. 18–47.

Vasiliev, G.E. (2008). *Filosofiya Bazilevsa* [The Philosophy of Basileus]. Moscow: Progress–Traditsiya Publ., 376 p.

Vnitskikh, A.Yu., Sokruta, L.V. and Pishchalnikov, D.V. (2015). *Povyshenie proizvoditel'nosti truda kak mezhdistiplinarnaya problema: istoricheskaya retrospektiva* [Increasing of labour productivity as an interdisciplinary problem: historical retrospective]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». Iss. 4(24), pp. 132–142. DOI: 10.17072/2078-7898/2015-4-132-142

Vnitskikh, A., Pishchalnikov, D. and Tolochek, V. (2019). Professional destructions of employees at enterprises against the background of the problem of labour productivity growth. *Proc. of the 2nd International Scientific-Practical Conference «Psychology of Extreme Professions» (ISPCPEP 2019)*. Arkhangelsk: Atlantis Press, vol. 321, pp. 222–226. DOI: <https://doi.org/10.2991/ispcpep-19.2019.54>

Received 01.11.2019

Об авторах

Внутских Александр Юрьевич
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>

Комаров Сергей Владимирович
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: komarov@rmc.edu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-6151>

About the authors

Alexander Yu. Vnitskikh
Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>

Sergey V. Komarov
Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: komarov@rmc.edu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-6151>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Внутских А.Ю., Комаров С.В. «Русская модель управления» и проблема производительности труда: философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 473–482. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-473-482

For citation:

Vnitskikh A.Yu., Komarov S.V. [Russian management model and the problem of labor productivity: philosophical analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology», 2019, issue 4, pp. 473–482 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-473-482